

Львова Елена Юлиановна, руководитель практики уголовного судопроизводства МКА «Юридическая фирма "ЮСТ"», адвокат, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ

В уголовном процессе преобладает всеобщая формализация

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- Чего следует избегать начинающему адвокату
- Какую ошибку допускают судьи при формулировании вопросов присяжным заседателям
- Как адвокату аргументировать несогласие с объединением трех самостоятельных вопросов — о доказанности деяния, участия в деянии подсудимого и его вины — в один

Адвокат Елена Юлиановна Львова уже много лет специализируется на защите по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей. За прошедший год она выступала защитником в нескольких таких процессах и столкнулась с весьма серьезными судебскими ошибками. Об этом, а также о своем видении развития практики в сфере уголовного судопроизводства она рассказала «УП».

Формализация: на пользу или во вред?

Если оценивать правосудие сегодня, то, на мой взгляд, можно сказать, что в уголов-

ном процессе преобладает всеобщая формализация. Это означает, что всех участников судопроизводства — следователя, прокурора, суд, защиту — интересует только формальное выполнение требований процессуального закона, без которого невозможно движение дела. Формально предъявить обвинение, формально предоставить адвоката, который формально будет исполнять обязанности: участвовать в следственных действиях, ставить подписи на протоколах и т. д. То есть усилия процессуальной деятельности направлены только на то, чтобы бумаги были правильно составлены, с соблюдением процессуальных сроков и т. п.

Наверное, в формализации есть не только минусы, но и положительная сторона. Видимо, на каких-то этапах деградации общественных процессов она может помочь сохранить некий каркас правосудия и не позволить скатиться в абсолютное беззаконие.

Однако при бюрократии ради бюрократии глубоко в суть дела никто не вникает. Стороны перестают задаваться вопросами не только о наличии события преступления, о роли подозреваемого или обвиняемого, но и о судьбе конкретного живого человека. Порой, следователь или судья не возражают против привлечения защитой дополнительных материалов, специалистов, но в действительности не обращают на них никакого внимания.

Такое положение дел у меня, как адвоката, конечно, вызывает серьезную обеспокоенность.

Отдельно можно отметить и законодательные изменения, декларируемые как модернизационные, которые на деле, по моему мнению, не способствуют укреплению законности. Например, поправки, внесенные в ч. 2 ст. 325 УПК РФ в июле текущего года.

Напомню, что в соответствии с действующей редакцией указанной нормы в ситуации, когда один или несколько подсудимых отказываются от суда присяжных, суд вправе выделить уголовное дело в отношении этих подсудимых в отдельное производство. Конечно, норма обязывает суд удостовериться, что выделение уголовного дела в отдельное производство не будет препятствовать всесторонности и объективности его разрешения, как и уголовного дела, рассматриваемого судом присяжных, и если такое препятствие обнаружено, не разделять производства по делу¹.

Разумеется, все это было сделано под лозунгом повышения эффективности правосудия. Однако эта норма позволит выделить дело в отношении одного из со-

участников преступления, который за обещанное ему небольшое наказание согласится признать вину и будет осужден в особом порядке, что почти автоматически повлечет осуждение остальных подсудимых, полностью отрицающих свою вину в инкриминируемом преступлении.

Такие попытки сделать правосудие эффективным при условии, что в особом порядке не исследуются доказательства, на мой взгляд, приведут только к окончательному укоренению в головах граждан мысли, что на справедливый суд нечего и рассчитывать. Что за тебя и без тебя уже давно, как всегда, все решили.

Другая, на мой взгляд, тоже весьма неоднозначная законодательная инициатива — отказ от института понятых в уголовном судопроизводстве в пользу технических средств фиксации следственных действий. Институт понятых существует века, вряд ли стоит в одночасье от него полностью отказываться.

При всех нареканиях к понятым, они необходимы как элемент общественного контроля при отправлении правосудия. Правильнее было бы дополнить этот институт современными техническими способами процессуального контроля и применять их вместе.

Таким образом, если говорить о работе адвоката в нынешних депрессивных условиях, становится ясно, что труднее всего тем, кто не хочет мириться с видимостью законности. И наоборот, проще жить и работать, если адвокат принимает правила соглашательной игры.

Если же адвокат выбирает процессы с участием присяжных, то его работа в большей степени на виду, а значит, больше подвержена критическим взглядам. Поэтому адвокату не стоит братья за защиту в суде присяжных, если он в себе не уверен и не чувствует ее отличия от защиты в процессах, которые ведут профессиональные судьи.

Внимание: вопросный лист

Из личной практики уходящего года хотелось бы выделить два уголовных дела, в которых я представляла интересы подсудимых. Они схожи не только по фабуле, но и проблемой, которая возникла у нас в ходе защиты.

Оба судебных разбирательства были связаны с обвинением в получении взятки (ст. 290 УК РФ) и оба были рассмотрены судом с участием присяжных заседателей. Но если в первом процессе удалось добиться оправдательного приговора, то во втором приговор был обвинительным.

В первом деле обвинение было предъявлено следователю одного из московских отделов Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков и адвокату. Их обвинили в том, что они покушались на получение взятки по уголовному делу о незаконном обороте наркотических средств. По версии следствия, следователь и адвокат пообещали за взятку не возбуждать уголовного преследования.

Особенность этого дела в том, что деньги, которые следствие посчитало взяткой, были оформлены адвокатом как вознаграждение за оказание юридической помощи. В момент оформления договора об оказании юридической помощи адвокат был задержан оперативниками. Деньги при этом лежали на столе и адвокат не успел их отдать в кассу для оформления.

В процессе я представляла интересы следователя, которому якобы предназначалась взятка. Нам удалось убедить присяжных, что обвинение не доказало вины подсудимых в инкриминируемом деянии.

В этом процессе мы столкнулись с одной сложностью, обусловленной ошибочной позицией председательствующего по делу. Дело в том, что процессах по делам о коррупционных преступлениях, рассматриваемых судом присяжных, существует, на мой

взгляд, дискриминация компетенции присяжных.

Позиция судов, в том числе и Верховного Суда, такова, что присяжные должны решить только факт: «взял, не взял деньги» подсудимый и «дал, не дал деньги» потерпевший. Все остальное решает профессиональный судья.

Попытка озвучить альтернативную версию произошедшего, например, что имела место провокация взятки, сталкивается с противодействием председательствующего. Судья в нашем процессе заявил, что это вопрос процессуальный и не входит в компетенцию присяжных. Но как же можно назвать процессуальным вопросом версию событий, которой придерживается подсудимый? Это вопрос наличия или отсутствия деяния, т. е. вопрос материального права. В итоге председательствующий согласился с нами и позволил озвучить перед присяжными позицию защиты.

Кроме того, нам удалось исправить одну из процессуальных ошибок (осознанную или нет — можно только догадываться), которая могла бы стать причиной вынесения присяжными несправедливого — обвинительного — вердикта. Но об этом чуть ниже.

Второе дело, к сожалению, закончилось осуждением моего подзащитного — чиновника одной из районных управ г. Москвы по вопросам ЖКХ. Он был признан виновным в получении взятки (по нескольким эпизодам) и в покушении на получение взятки группой лиц по предварительному сговору в крупном размере.

«Скрытая» проблема. Эти уголовные дела высветили проблему, которую до сих пор, очевидно, никто таковой не считал. Так, и в первом, и во втором процессе при постановке вопросов перед присяжными председательствующий сформулировал их таким

1 Изменения внесены Федеральным законом от 11.07.2011 №194-ФЗ.

образом, что присяжным оставалось решить только вопрос о виновности подсудимого.

Например, первый вопрос в деле столичного чиновника был изложен следующим образом:

«Виновен ли М. в том, что он, работая в должности... при осуществлении своих служебных обязанностей... не позднее... декабря... года разработал план получения по предварительной договоренности с другим должностным лицом денежных средств от представителей ООО «Ю...»; ...согласно разработанному М. плану за возможность осуществления ООО «Ю...» своих договорных обязательств... при отсутствии препятствий к этому ввиду бездействия М. ... привлеченное М. должностное лицо должно было выдвигать требования к представителям ООО «Ю...» о передаче денежных средств, после получения которых... передавать их М.; ...в точно не установленное время М. довел содержание своего плана до другого должностного лица, получил от него согласие на получение денежных средств; ...реализуя совместный замысел... в период с... января по... март... года в помещении служебного кабинета М. получил от привлеченного лица денежные средства в сумме... рублей?».

Аналогично, с фразы «виновен ли...» начинались и другие вопросы в вопросном листе, в которых излагалась полная версия обвинения с описанием объективной стороны состава преступления. Очевидно, что председательствующий не оставлял в вопросах даже тени сомнения (как того требует ч. 1 ст. 339 УПК РФ) в том, что преступление имело место, а подсудимый М. совершил его.

Позиция защиты. И в первом, и во втором процессе в своих возражениях на вопросный лист я обратила на это внимание председательствующего. Наша позиция заключалась в том, что законодатель, вводя в ч. 1 ст. 339 УПК РФ триаду в содержание вопросов при-

сяжным заседателям, намеренно выстроил ее в такой последовательности. Сначала присяжные должны решить, имело ли место деяние, затем, совершил ли его подсудимый, и только после этого, виновен ли он в совершении этого деяния. Именно с учетом того факта, что присяжные не обязаны обладать познаниями в сфере юриспруденции, очередность постановки вопросов перед ними имеет существенное значение при осуществлении ими правосудия.

Несмотря на то, что ч. 2 ст. 339 УПК РФ допускает постановку одного вопроса о виновности подсудимого, все же такой вопрос, как следует из той же нормы, должен соединять в себе содержание всех трех вопросов — и о доказанности события преступления, и о доказанности участия в этом событии подсудимого, и о его виновности.

Таким образом, вопрос по делу М. должен был быть сформулирован по схеме: «Виновен ли М., если доказано, что он...». Только в этом случае перед присяжными встанет необходимость исследовать вопрос о доказанности как самого события преступления, так и причастности к нему М. Лишь после этого присяжные смогут решить вопрос о его виновности.

Однако в нарушение ст. 339 УПК РФ председательствующий сформулировал вопросы перед присяжными так, что в них презюмируется доказанность события преступления и причастности к нему М. Очевидно, что такая постановка вопросов является незаконной и нарушает не только конституционные принципы презумпции невиновности и состязательности, предусмотренные ст. 49, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч. 3 ст. 15 УПК РФ, но и право на суд присяжных, гарантированное ст. 47 и ч. 4 ст. 123 Конституции РФ.

Фактически речь идет о незаконном присвоении председательствующим полномочий суда присяжных заседателей. Устранение вопроса о доказанности собы-

тия и участия в нем подсудимого из вопросного листа означает установление этих обстоятельств профессиональным судьей, ведущим процесс. Тогда смысл обращения граждан к рассмотрению дела судом присяжных фактически сводится к нулю.

Нами также было подчеркнуто, что в нарушение положений ч. 8 ст. 339 УПК РФ вопросы были сформулированы таким образом, что их нельзя признать понятными для неюриста. В частности, простое перечисление обстоятельств, по которым присяжным необходимо было установить виновность подсудимого без соединительных союзов, не позволяет сделать однозначный вывод, необходимо ли одновременное установление всех перечисленных обстоятельств или достаточно установления хотя бы одного из них для вывода о виновности М.

В судебном заседании был установлен алиби М. по четырем эпизодам. Например, в то время как обвинение заявляло, что М. получил в определенный день деньги, удалось доказать, что в этот день он не мог находиться в том месте, где ему якобы была передана взятка. Он был за границей.

Однако при ответе на вопрос, сформулированный председательствующим по делу М. с простым перечислением всех обстоятельств, присяжные просто запутались и при отсутствии вопроса о доказанности события ответили «да, виновен».

Нужно отметить, что преступления, связанные с получением взятки группой лиц с привлечением посредников, состоят из цепочек связей между действиями фигурантов: от взяткодателя к посреднику, далее к другому посреднику и, в конечном итоге, к получающему. Чтобы присяжные могли вынести справедливый вердикт, перед ними необходимо ставить вопросы таким образом, чтобы они могли проследить каждую из этих

Адвокату не стоит браться за защиту в суде присяжных, если он не чувствует ее отличия от защиты в процессах, которые ведут профессиональные судьи

связей в цепочке и удостовериться, что обвинение доказало каждое звено.

На мой взгляд, придание практикой такого смысла норме ч. 2 ст. 339 УПК РФ, когда председательствующий под вывеской объединения вопросов, ставит, по сути, один вопрос о виновности подсудимого, антиконституционно. Безусловно, это относится к случаям, когда подсудимый не признает инкриминируемого ему деяния или своего участия в нем и обвиняется в совершении преступления в соучастии.

Мне пока сложно оценить масштабы подобного нарушения. Поэтому хотелось бы, пользуясь данной публикацией, попросить коллег-адвокатов прислать примеры аналогичных случаев в адрес редакции журнала, чтобы можно было оценить, насколько часто они встречаются. И если такой подход к постановке вопросов перед присяжными стал правилом, то есть смысл обратиться в Конституционный Суд РФ, поставив вопрос о несоответствии нормам Конституции РФ норм ч. 2 ст. 339 УПК РФ в смысле, придаваемом им правоприменительной практикой.

В завершение мне также хотелось бы обратить внимание коллег на то, что описанная незаконная практика во многом существует из-за нежелания или неумения защитников указать на подмену председательствующим полномочий присяжных. Представляется, что если бы каждый такой случай становился предметом обжалования, подобную позицию судейского корпуса удалось бы изменить. ■